

Цокуренко Сергей Сергеевич

соискатель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
dom-hors@mail.ru

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ЮГЕ РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛИЯ

Аннотация:

Данная статья посвящена изучению причин конфликтогенности на Юге России, причин, которые спровоцировали сепессионистские настроения бывших автономий, особенностям этого региона, этнополитическим фактором конфликтогенности на Юге России. Проанализированы классификация конфликтов, предложенная американским политологом Д. Горовитц, и типы межэтнических конфликтов.

Ключевые слова:

конфликтогенные факторы, Юг России, этническая идентичность, «линия разлома», осетино-ингушский конфликт, конфликт идей, «конфликт действий», религиозные противостояния, этнонациональная политика.

Tsokurenko Sergei Sergeevich

Competitor of the Department of
Philosophy and Sociology
Krasnodar University of the Russian Interior Ministry
dom-hors@mail.ru

ETHNIC CONFLICTS I N SOUTHERN RUSSIA AS A BASIS FOR PRESENTATION OF VIOLENCE

Summary:

This article is devoted to the study of the causes of conflicts in southern Russia, the causes that provoked the secessionist sentiments former autonomy, peculiarities of the region, ethno-political factors of conflicts in the South of Russia. Analyzed classification conflict proposed by the American political scientist J. Horowitz, and the types of inter-ethnic conflicts.

Keywords:

conflict-factors, South Russia, ethnic identity, "fault line" of the Ossetian-Ingush conflict, the conflict of ideas, "the conflict of action", religious conflict, ethnic policy.

При рассмотрении конфликтогенных факторов на Юге России важную роль играет методология изучения этнической идентичности, которая после распада СССР стала основной формой этнополитической консолидации и мобилизации в регионе. Актуализация этнической идентичности произошла в том «регионе нестабильности», по которому проходит «линия разлома» между исламской и христианской цивилизациями.

Другой тип классификации межэтнических конфликтов — по особенностям статуса противоборствующих сторон. По этому критерию различают внутригосударственные, межгосударственные конфликты, конфликты между различными этническими группами, между центральной властью и окраинами, стремящимися к сепессии. Все вооруженные столкновения на Юге России изначально складывались и развивались как внутригосударственные.

Осетино-ингушский конфликт, с одной стороны, был конфликтом различных этнических групп, а с другой — территориальным спором. Что же касается латентных конфликтов, то противоборствующими сторонами в них и до и после распада Союза ССР были различные этнические группы (грузины и армяне, карачаевцы и черкесы, кабардинцы и балкарцы, лакцы и кумыки).

Выход национальных республик из состава Советского Союза спровоцировал сепессионистские настроения бывших автономий. Грузино-осетинский, грузино-абхазский, российско-чеченский конфликты стали противостоянием центральной государственной власти и сепаратистских образований. При этом определение «сепаратист» в равной степени используется противоборствующими сторонами. Для лидеров непризнанных Абхазии и Южной Осетии в роли сепаратиста выступает Грузия, вышедшая из состава СССР и тем самым предоставившая возможность для этнонационального самоопределения осетин и абхазов. В начале 1990-х годов идеологи «чеченской революции» призывали отказаться от двойных стандартов и квалифицировали антисоветские действия российского руководства в 1990–1991 гг. как сепаратизм.

Осетино-ингушский конфликт сохранил формат внутригосударственного территориального. Наиболее яркие примеры конфликтов различных этнических групп продемонстрировал Дагестан, самое полиэтничное национально-территориальное образование в составе России, в котором отсутствует «титовская нация» и определяющую роль играет этнический баланс сил. Нарушение этого баланса, достигнутого в советские годы в обход официальной партийной иерархии, и поиск нового соотношения сил стали источниками серии межэтнических противостояний начала 1990-х годов. Установление нового этнического равновесия в дагестанской власти в 1994 г. способствовало снижению уровня этнической конфликтности в республике.

Российские ученые предложили разделить межэтнические конфликты на конфликты стереотипов, конфликты идей и конфликты действий.

Первый тип, по этой классификации совпадает с определением латентного конфликта. Этническая мотивация в этом случае только формируется и не является доминирующей. Под определение «конфликта стереотипов» подходят фактически все латентные конфликты на Юге России.

Конфликт идей – это структурирование политических претензий противоборствующих сторон. Под это определение подходит первый этап всех межэтнических конфликтов на территории Юга России, переросших впоследствии в вооруженное противостояние. Для межэтнического противостояния «конфликт идей» чрезвычайно важен. Он позволяет легитимизировать насилие ради великих целей – восстановления утраченных территорий, консолидации нации, достижения исторической справедливости.

«Конфликт действий» — понятие, тождественное актуализированному конфликту. Фактически данная схема задает модель истории любого из межэтнических конфликтов на Кавказе и на постсоветском пространстве.

Интересный подход к классификации конфликтов предложил американский политолог Д. Горовитц. Он основан на соотношении модернизированного и традиционного начал в конфликте центральной власти и окраины, стремящейся к сецессии. Согласно Д. Горовитцу, существуют:

- сепаратизм отсталой этнической группы в отсталом регионе страны;
- сепаратизм отсталой группы в развитом регионе;
- сепаратизм развитой этнической группы в отсталом регионе страны;
- сепаратизм развитой группы в развитом регионе страны [1, с. 147].

Очевидно, что понятия «отсталый» и «передовой» являются оценочными и субъективными, требуют уточняющих критериев. Вместе с тем столь же очевидно, что мотив «отсталости» и «развитости» является одним из ключевых в идеологии как сепаратистов, так и их противников. Призыв превратить «отсталую» Чечню во «второй Кувейт» путем сецессии стал одним из главных в риторике Д. Дудаева и его команды. Мотив освобождения «передовой христианской армянской культуры» от «отсталого» Азербайджана не раз звучал из уст лидеров карабахского армянского движения. Говоря о современном чеченском сепаратизме, нельзя не отметить в качестве одной из его причин отсутствие у чеченцев традиций собственной государственности, а значит, и неукорененности в их обществе всего комплекса представлений о государственном праве. Сам по себе данный факт не говорит в пользу отсталости или развитости чеченского этноса. Однако значительная роль неформального неписаного права, его приоритет над формальным законом должна рассматриваться как важная предпосылка масштабного кавказского межэтнического конфликта. Подход Горовитца позволяет также проанализировать такую проблему межэтнического противостояния и постконфликтного урегулирования, как полиюридизм (или правовой плюрализм), то есть сочетания в повседневной жизни народов Юга России государственного, религиозного (шариат), обычного (адаты) права. Учет различных правовых традиций и практик может стать как фактором «разогрева» конфликтов, так и фактором их «замораживания».

Межэтнические конфликты различаются также по целям, декларируемым противоборствующими сторонами. Выделяются статусные (этнополитические) и этнотерриториальные. Первая группа конфликтов возникает из-за стремления этнической группы (автономии, республики) повысить свой статус или добиться сецессии, реализовав право на самоопределение. Этнотерриториальные конфликты предполагают борьбу за ту или иную территорию, защиту «своей земли». Для Южно-Российского региона характерно то, что статусные и этнотерриториальные конфликты практически всегда совпадают. Важной особенностью Южно-Российского региона является также преобладание межэтнических конфликтов над межконфессиональными. Подобный феномен объясняется несколькими причинами:

– государственные образования Юга России в течение 70 лет входили в состав советского государства, с одной стороны, проводившего политику государственного атеизма, а с другой – способствовавшего правовой институционализации этничности. Религиозность запрещалась, в то время как этничность культивировалась;

– ислам и православие в регионе имеют существенные особенности. Южно-Российское православие и кавказский ислам являются феноменами, весьма отличающимися от принятых стандартов;

– этническая консолидация на Юге России развита сильнее, чем конфессиональная. Более того, между различными направлениями ислама (суфизм и «салафия») существуют серьезные и подчас непримиримые противоречия.

Время от времени все крупные межэтнические конфликты в регионе рассматриваются как религиозные противостояния. Российско-чеченский, осетино-ингушский конфликты нередко трактовались как конфликт христиан и мусульман. Наличие религиозной мотивации в этих конфликтах очевидно. Но очевидно также преобладание этнических лозунгов над целями борьбы за веру. В ходе вторжения боевиков Ш. Басаева в мусульманский Дагестан на стороне российских войск (среди которых были и призывники-мусульмане) выступили мусульмане – жители Дагестана.

Даже наиболее известные теракты чеченских сепаратистов (Буденновск, Кизляр, Норд-Ост) проходили не столько под зеленым знаменем пророка, сколько под лозунгом независимости Ичкерии. В ходе периодического обострения латентных межэтнических конфликтов друг против друга выступали представители различных этносов, исповедующих ислам. Мусульманами являются такие оппоненты, как кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы, аварцы и чеченцы-аккинцы, лакцы и кумыки. Грузино-осетинский или грузино-абхазский конфликты проблематично рассматривать в рамках религиозного дискурса. Напротив наиболее жестокими конфликтами, сопровождавшимися насилием, были противостояния между представителями различных направлений ислама (тарикатисты и салафиты «ваххабиты»). Наиболее острые формы такая борьба приняла в Дагестане и в Чечне.

В связи с этим С. Хантингтон пишет, что войны «по линиям разлома» проходят через этапы усиления, всплеска, сдерживания, временного прекращения и изредка – разрешения. Эти процессы обычно последовательны, но часто они накладываются один на другой и могут повторяться. Единожды начавшись, войны «по линиям разлома», подобно другим межобщинным конфликтам, имеют тенденцию жить собственной жизнью и развиваться по образцу «действие – отклик». Идентичности, которые прежде были множественными и случайными, фокусируются и укореняются; общинные конфликты соответствующим образом получают название «войн идентичностей».

По мере нарастания насилия, поставленные на карту первоначальные проблемы, подчеркивает С. Хантингтон, обычно подвергаются переоценке исключительно в терминах «мы» против «них», группа спланивается все сильнее, и убеждения крепнут. Политические лидеры активизируют призывы к этнической и религиозной лояльности, и цивилизационное самосознание укрепляется по отношению к другим идентичностям. Возникает «динамика ненависти», сравнимая с «дилеммой безопасности» в международных отношениях, в которой взаимные опасения, недоверие и ненависть подпитывают друг друга. Каждая сторона, сгущая краски, драматизирует и преувеличивает различие между силами добра и зла и, в конечном счете, пытается превратить это различие в основополагающее различие между живыми и мертвыми. При этом умеренные лидеры, ставящие перед собой узкие цели, как, например, автономия, а не независимость, не добиваются своих целей посредством переговоров, которые почти всегда на начальной стадии терпят неудачу, – и их дополняют или вытесняют радикалы, стремящиеся к достижению куда более отдаленных целей насильственным путем. В частности, С. Хантингтон отмечает, что когда в 1992–1993 гг. обострился конфликт чеченцев с Россией, в правительстве Дудаева преобладающее влияние приобрели «наиболее радикальные фракции чеченских националистов, выступающие против какого бы то ни было примирения с Москвой, причем умеренные силы были вытеснены в оппозицию» [2, 432-434].

В связи с этим некоторые зарубежные исследователи отмечают, что «Северный Кавказ – это пороховой погреб, где конфликт в одной республике обладает потенциальной возможностью воспламенить региональный пожар, который распространится за его границы на остальную Российскую Федерацию и спровоцирует вовлечение в него Грузии, Азербайджана, Турции и Ирана и их северокавказских диаспор. Как продемонстрировала война в Чечне, конфликт в регионе не так-то просто сдержать... и борьба выплескивается на соседние с Чечней республики и области» [3, с. 4]. С этим соглашаются и некоторые отечественные аналитики, которые утверждают, что вдоль цивилизационных «линий разлома» складываются «неформальные коалиции»: христианские Грузия, Армения, Нагорный Карабах и Северная Осетия выстраиваются против мусульманских Азербайджана, Абхазии, Чечни и Ингушетии. Уже ведя войну в Таджикистане, Россия «идет на риск оказаться втянутой в длительную конфронтацию с мусульманским миром» [4, с. 8].

В ходе войны многочисленные идентичности постепенно исчезают, и преобладающей становится идентичность, наиболее значимая в конфликте. Такая идентичность почти всегда является религиозной. Упрочение религиозной идентичности особенно отчетливо в последнее время наблюдается у мусульман, которые по мере борьбы расширяют свою идентичность и апеллируют ко всему исламскому сообществу, представляя себя борцами за дело ислама. В частности, в войнах девятнадцатого века между народами Северного Кавказа и русскими му-

сультманский лидер Шамиль объявил себя исламистом и объединил десятки этнических и языковых групп на основе ислама и сопротивления русскому завоеванию. В 1990-х гг. Дудаев, последовав сходной стратегии, использовал в своих целях Исламское возрождение, происходившее на Кавказе в 1980-х гг. Его поддержали мусульманские священнослужители и исламистские партии, при вступлении в должность он принес присягу на Коране (точно так же, как Ельцина благословил православный патриарх) и в 1994 г. внес предложение о преобразовании Чечни в исламское государство, подчиненное законам шариата. Чеченцы носили зеленые повязки с написанным на них словом «газават», что на чеченском значит «священная война», и, отправляясь в бой, выкрикивали: «Аллах Акбар» [2, с. 436].

С. Хантингтон считает, что современные «локальные войны по линии разлома» становятся войнами религий, чреватых последствиями для громадных сегментов человечества. В частности, он пишет, что в начале 1990-х гг., когда православная религия и православная церковь стали центральными элементами в российской национальной идентичности (православие «выжимает другие российские конфессии, из которых ислам – наиболее существенная»), русские обнаружили, что в их интересах определить войну с Чечней как части более обширного столкновения, которое длится на протяжении веков между православием и исламом, а местных противников представить как приверженцев исламского фундаментализма и джихада и проводников политики Исламабада, Тегерана, Эр-Рияда и Анкары [2, с. 441].

По мере того, как локальная война углубляется, каждая сторона стремится заручиться поддержкой стран и группировок, принадлежащих к ее цивилизации. Так, прологом к третьей антимусульманской войне России на Северном Кавказе с чеченцами, считает С. Хантингтон, послужили столкновения в 1992–1993 гг., произошедшие между православными осетинами и ингушами-мусульманами.

Во время второй мировой войны ингуши вместе с чеченцами и другими мусульманскими народами были депортированы в Среднюю Азию, оставшиеся осетины захватили собственность ингушей. В 1956–1957 гг. депортированным народам было разрешено вернуться, и начались раздоры из-за прав на собственность и из-за контроля над территорией. В ноябре 1992 г. на переданный советским правительством осетинам Пригородный район, который ингуши хотели вернуть себе, начались нападения с территории Ингушской республики.

Чтобы поддержать православных осетин, пишет С. Хантингтон, русские ответили массированным вторжением с участием, в том числе и казачьих формирований. Затем Россия использовала конфликт, чтобы пригрозить союзникам ингушей чеченцам, что, в свою очередь, «привело к немедленной мобилизации Чечни и (в подавляющем большинстве мусульманской) Конфедерации народов Кавказа (КНК). КНК угрожала послать 500 000 добровольцев против российских войск, если они не отступят с чеченской территории. После напряженного противостояния Москва отступила, чтобы избежать перерастания северо-осетино-ингушского конфликта в региональный пожар».

Более напряженный и обширный пожар вспыхнул в декабре 1994 г., когда Россия приняла полномасштабное военное наступление на Чечню. Лидеры двух православных республик, Грузии и Армении, поддержали действия России, в то время как украинский президент был «дипломатически вежлив и просто призвал к мирному урегулированию кризиса». Действия России также одобрили правительство православной Северной Осетии и 55–60% народа Северной Осетии. Наоборот, мусульмане в Российской Федерации и за ее пределами в подавляющем большинстве приняли сторону чеченцев. Исламский интернационал немедленно отправил в Чечню боевиков из Азербайджана, Афганистана, Пакистана, Судана и других районов. Мусульманские страны поддержали чеченцев, а Турция и Иран, как сообщалось, оказали им материальную помощь, что придало России дополнительные стимулы для попыток примириться с Ираном. Из Азербайджана в Российскую Федерацию начал поступать непрерывный поток вооружения для чеченцев, что заставило Россию закрыть свою границу с этой страной.

Мусульмане в Российской Федерации поднялись в поддержку чеченцев. Хотя призывы ко всекавказской священной войне мусульман против России не дали результата, главы шести республик Волжско-Уральского региона потребовали от России прекратить военные действия, а представители мусульманских кавказских республик призвали к «кампании гражданского неповиновения». Президент Чувашской Республики освободил чувашских призывников от службы в частях, действующих против их братьев-мусульман. Наиболее мощные акции протеста против войны имели место в двух соседних с Чечней республиках – Ингушетии и Дагестане. Ингуши нападали на российские войска во время их движения к Чечне, что, в свою очередь, вызвало заявление российского министра обороны о том, что ингушское правительство «фактически объявило войну России». Нападения на российские войска происходили также в Дагестане. Русские ответили обстрелами ингушских и дагестанских селений. Враждебность дагестанцев по

отношению к русским возросла еще больше, когда после чеченского рейда на город Кизляр в январе 1996 г. русские разрушили селение Первомайское.

Интернационализация чеченского конфликта привела, пишет С. Хантингтон, к тому, что борьбе своего народа стала помогать чеченская диаспора, которая по большей части была порождена российской агрессией против горских народов Кавказа в XIX в. Диаспора организовывала сбор финансовых средств, приобретала оружие и набирала добровольцев для чеченских войск. Особенно многочисленной диаспора была в Иордании и Турции, что вынудило Иорданию занять решительно антироссийскую позицию и укрепило готовность Турции оказывать помощь чеченцам. В январе 1996 г., когда война перекинулась в Турцию, турецкое общественное мнение благожелательно отнеслось к захвату членами диаспоры парома с российскими туристами. С помощью кавказских лидеров турецкое правительство договорилось о разрешении этого конфликта, причем таким образом, что эта договоренность еще больше ухудшила и без того натянутые отношения между Турцией и Россией [2, с. 453].

Эксперты отмечают, что чеченские боевики финансируются из-за границы прежде всего диаспорами, расположенными в Турции, Германии, Эмиратах. Есть оперативная информация о наличии источников финансирования в Азербайджане. Что касается арабов, которые сейчас находятся в Чечне, то их роль как финансистов кажется преувеличенной. Существуют сведения о финансировании их Саудовской Аравией [5].

Чеченское вторжение в Дагестан, ответ России и захват парома в начале 1996 г. высветили возможность перерастания конфликта в более крупный конфликт между русскими и горскими народами по тем рубежам, война на которых десятилетиями шла в XIX столетии [2, с. 454].

Активизация и мобилизация этничности на Юге России сопровождается «всплеском» периферийного национализма, который получил реализацию в регионе в двух проектах – этническом и политическом. Этнический проект связан с ростом этнического самосознания и формированием на уровне повседневности специфической этнической картины мира как основы национальной идентичности. Причем на Северном Кавказе речь идет именно об этнической («мы-осетины», «мы-ингуши», «мы-кумыки» и т.д.), а не о религиозной идентичности («мы-мусульмане»).

Политический проект национализма на Северном Кавказе получил реализацию на уровне политических элит и был связан, прежде всего, с приобретением государственного иммунитета, сопровождавшегося этнополитической мобилизацией титульного этноса, апелляцией к его культурно-историческим традициям и актуализацией представлений об этнонациональном государстве как носителе этих традиций. При этом на Северном Кавказе выделяют два вида такого национализма:

- этноприоритетный, ориентированный на создание независимого государства и доминирующую роль титульного этноса в нем (Чечня);
- защитный, оборонительный, нашедший наиболее наглядное воплощение в Ингушетии [6, с. 39].

Большую роль в разработке политических проектов национализма на Северном Кавказе, особенно в первой половине 90-х гг. прошлого века, играли различного рода общественно-политические движения, деятельность которых являлась одним из политических факторов конфликтогенности в регионе. Например, деятельность Всеосетинского совета «Стыр Нахыс» и общественно-политического объединения «Наша Осетия», как отмечают исследователи, не только усугубила осетино-ингушский конфликт, но и способствовала появлению среди осетинского народа антирусских, антиармейских настроений. Активную пропаганду националистических идей в Дагестане ведут такие общественно-политические движения, как «Народный фронт имени Шамиля», «Тенглик» и «Бирлик», руководители которых призывают к борьбе против колониальной политики России на Северном Кавказе. Лезгинское общественно-политическое движение «Садвал» ставит своей целью образование «Единого Лезгистана», что ведет к нарушению территориальной целостности России и Азербайджана.

Однако, по оценкам специалистов, экстремистские националистические требования такого рода организаций поддерживают всего около 15% коренного населения. Поэтому эксперты считают, что опасность таких этнополитических организаций в настоящее время, скорее всего, преувеличивается. Они являются для правящих националистических группировок скорее средством торга с Москвой, чем реальной оппозицией. Давление национальных организаций на руководителей республик в ближайшее время, по-видимому, продолжится, но его результативность будет определяться волей национального большинства – народа, а не степенью натиска экстремистской части национальных партий и движений [7, с. 27-28].

Кроме того, Северный Кавказ в настоящее время является зоной активизации исламского фундаментализма, который стремится, с одной стороны, вытеснить этническую идентичность конфессиональной и превратить тем самым регион в периферию исламской цивилизации, а с другой – создать на Северном Кавказе единое надэтническое исламское государство с последующим вытеснением из него иноверцев или обращением их в мусульман.

Однако эти фундаменталистские стремления в настоящее время входят в противоречие с уже реализующимися на Северном Кавказе этническими и политическими проектами национализма. При этом следует отметить, что мусульманская идентичность слабо вписывается в этнические картины народов, проживающих в регионе, за исключением некоторых не столько этнических, сколько религиозных групп, поскольку в регионе доминирует не конфессиональная, а этническая идентичность [8].

Все это дает возможность при изучении конфликтогенных факторов на Юге России преодолеть несколько упрощенный подход С. Хантингтона, который сводит все дело к конфликту между мусульманами и христианами на Северном Кавказе.

При изучении конфликтогенных факторов на Юге России после распада СССР большое внимание уделяется их систематизации. При этом исследователи отмечают, что эти факторы находятся в многомерной взаимозависимости, параметры которой изменяются достаточно быстро, что определяет и их иерархию, и степень значимости, и даже содержание самих факторов. Динамика таких изменений обусловлена активностью и определенными стратегиями действия региональных политических субъектов, к которым относятся элитные группы, политические партии и движения, а также организации самодеятельного населения, в той мере, в какой оно сформировало способы и формы представительства своих интересов.

Изучение исследовательской практики, направленной на выяснение особенностей воздействия этих факторов на складывание конфликтогенной ситуации на Юге России, позволяет определить некоторые методологические основания проводимых научных исследований.

Изучение конфликтогенных факторов в масштабе «hic et nunc» («здесь и сейчас») предполагает использование методологии ситуационно-факторного анализа, который позволяет выделить основные факторы, направляющие развитие тех или иных процессов в регионе и силу их воздействия на эти процессы. Рейтинговая оценка факторов процессуального развития помогает достаточно корректно выявить «точки конфликтогенности», общая региональная топография которых может стать основой разработки стратегии управленческих воздействий.

Все это позволяет построить многомерную модель изучения конфликтогенности на Юге России. Эта модель предполагает рассмотрение конфликтогенной ситуации с точки зрения, с одной стороны, ее российского вектора, а с другой – конфликтных отношений между субъектами федерации, а также различными народами, проживающими в регионе.

Конфликтогенная ситуация на Юге России в целом осложняется тем, что в регионе, как отмечают специалисты, трудно найти такое этнополитическое образование, которое не имело бы территориальных, экономических, исторических или иных претензий к соседям. Так, после распада Чечено-Ингушетии обозначились взаимные претензии между вновь образованными республиками как по экономическим, так и территориальным вопросам. Остро стоит территориальный вопрос между Ингушетией и Северной Осетией по проблеме Пригородного района, в котором в настоящее время проживает примерно одинаковое число осетин и ингушей. Их чересполосное расселение на спорных территориях не дает возможности разрешения территориального спора в интересах какой бы то ни было стороны.

При изучении причин конфликтогенности на Юге России ученые обычно выделяют внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы. В связи с этим отмечается, что региональные особенности территории (климат, ландшафт, природные ресурсы) представляют собой данность, не зависящую от воли законодателя, но существенно влияют на условия жизни населения. Борьба за эти условия, их изменение, улучшение может входить в противоречие с существующей системой административно-территориального деления и не всегда разрешается в правовом поле существующего законодательства. К региональным особенностям можно отнести также этнонациональные, культурно-исторические, религиозные, демографические и прочие характеристики, имеющие на данный момент значение объективных факторов жизнедеятельности населения, среды обитания людей и основы формирования устойчивых традиций и правил поведения. К региональным особенностям относятся: состояние экономики, наличие и степень квалификации необходимой рабочей силы, специфика социальной структуры и динамики общественных отношений, общий уровень образования и культуры населения данного региона. Все эти и многие другие факторы представляют собой в общей совокупности конкретное своеобразие региона и имеют определяющее значение в анализе состояния и тенденций развития региональной конфликтности.

Устойчивая зависимость региональной конфликтности от объективных и субъективных условий развития региона не означает, однако, изолированности процесса от влияния внешних причин. Внутренние и внешние факторы регионального развития и конфликтности переплетаются теснейшим образом, что особенно наглядно проявляется в современных условиях глобализации и новой борьбы за новый передел мира. Регион Северного Кавказа, к сожалению, оказался исключительно близко к эпицентру этой борьбы.

В складывании конфликтогенной ситуации на Юге России большую роль сыграли этнополитические факторы. Одним из них является современная этнонациональная политика российского государства в регионе. Российскому руководству в 90-х гг. XX в. не удалось выработать адекватной национальной политики, учитывающей специфику сложившейся этнополитической ситуации на Юге России, предложив, в конечном счете, военно-политический способ ее разрешения, что привело к усилению этнополитической напряженности и придало региональным конфликтам затяжной этнонациональный характер.

Другим этнополитическим фактором конфликтогенности на Юге России стало усиление этнократических тенденций, политизации этнических групп и этнизация государственного управления в регионе. Усиление этнократических тенденций сопровождалось расширением этнополитических и межэтнических конфликтов, стремлением этнократии к переделу территорий, усилением регионального сепаратизма.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Активизация и мобилизация этничности на Юге России сопровождается «всплеском» периферийного национализма, который выступает одним из мощных конфликтогенных факторов в регионе. Периферийный национализм на Юге России получил реализацию в двух проектах – этническом и политическом. Этнический проект связан с ростом этнического самосознания и формированием на уровне повседневности специфической этнической картины мира как основы национальной идентичности. Политический проект национализма в регионе получил реализацию на уровне политических элит и связан в первую очередь с приобретением государственного иммунитета, сопровождающимся этнополитической мобилизацией титульного этноса, апелляцией к его культурно-историческим традициям и актуализацией представлений об этнонациональном государстве как носителе этих традиций.

Ссылки:

1. Горовиц Д. Ирредентизм, сепаратизм и самоопределение // Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
3. Hill F. Russia's Tinderbox: Conflict in the North Caucasus and Its Implications for the Future of the Russian Federation // Harvard University. 1995. Septembr.
4. Trenin D. Decision Time for Russia // Moscow Times. 1995, 3 February.
5. Речкалов В. Почему спецслужбы не могут поймать Шамиля Басаева. [Электронный ресурс] URL: <http://www.compromat.ru/main/chechya/basaevbazy.htm>.
6. Суверенитет и этническое самосознание: Идеология и практика. М., 1995.
7. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001.
8. Лубский А.В. Северный Кавказ в условиях глобализации: методологические проблемы исследования // Северный Кавказ в условиях глобализации. Майкоп, 2001.

References (transliterated):

1. Gorovits D. Irredentizm, separatizm i samoopredeleniye // Natsional'naya politika v Rossiyskoy Federatsii. M., 1993.
2. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M., 2003.
3. Hill F. Russia's Tinderbox: Conflict in the North Caucasus and Its Implications for the Future of the Russian Federation // Harvard University. 1995. Septembr.
4. Trenin D. Decision Time for Russia // Moscow Times. 1995, 3 February.
5. Rechkalov V. Pochemu spetssluzhby ne mogut poymat' Shamilya Basayeva. [Elektronnyy resurs] URL: <http://www.compromat.ru/main/chechya/basaevbazy.htm>.
6. Suverenitet i etnicheskoye samosoznaniye: Ideologiya i praktika. M., 1995.
7. Toshchenko ZH.T. Paradoksa'lnyy chelovek. M.: Gardariki, 2001.
8. Lubskiy A.V. Severnyy Kavkaz v usloviyakh globalizatsii: metodologicheskiye pro-blemy issledovaniya // Severnyy Kavkaz v usloviyakh globalizatsii. Maykop, 2001.